

Зимняя Сказка

Олег Понкау

Олег Фонкац
Зимняя сказка

«Автор»

2026

Фонкац О.

Зимняя сказка / О. Фонкац — «Автор», 2026

Странные события происходят в заснеженном королевстве знаменитого короля Людвига на исходе позднего средневековья, которые самым необычным образом переплетаются с днём сегодняшним. И если бы не завораживающий снегопад, то могло показаться, что время остановилось.

© Фонкац О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Зимняя сказка

Глава

Глава 1

Если в полночь ударит колокол

Ты, конечно, можешь мне возразить, что название, выбранное мной, очень уж известное и у всех на слуху, и тот, кто им пользовался до меня, слишком велик, чтобы я посмел посягнуть на это волшебное словосочетание. Ну, что ж – соглашусь, хотя ничего не могу с собой поделать. Это просто выше моих сил, чтобы я отказался от удовольствия почувствовать магию и очарование снежной замяти, разыгравшейся за окном, и не поддался соблазну провести вечер возле пылающего очага. И поглядывая в окно, поделенное на запотевшие квадраты, угадывать в проплывающих тенях то карету, мерцающую свечными фонарями, по обе стороны от кучера, то чёрную фигуру припозднившегося прохожего. Хотя, как знать, может быть это и есть наш герой, заплутавший в нескончаемых лабиринтах утопающего в вечерней мгле города, и он останавливает озябших пешеходов, в надежде узнать, как пройти на улицу... и ветер ухает, проглатывая еле слышные слова, и любезный человек в развевающейся крылатке, придерживая шляпу рукой, и без того уже обременённую тростью, указывает в сторону площади, где старинный храм, облитый заварным кремом нескончаемого снегопада, застыл, как рождественский пуддинг, и светится тёплыми цукатами мозаичных окон. Какой чудесный ориентир для заплутавшего путника, бредущего на встречу ледяному ветру, прикрывая козырьком ладони глаза и поглядывая по сторонам на безудержное веселье горожан, уже хлебнувших глинтвейна, благоухающего корицей, лавровым листом и анисом. Все сказочные персонажи мерещились нашему путешественнику в заваленных сугробами узких улочках, и он безошибочно угадывал их амплуа, кидая мимолётный взгляд на карнавальное шествие, озарённое факельным мерцанием, и сопровождающееся барабанным боем и гнусавым нытьём пронзительной волынки.

– Эй, красавчик, пойдём с нами, – пропела прекрасная фея, посылая воздушный поцелуй, – не пожалеешь!

– Не слушайте её, молодой человек, идите своей дорогой, а то, глазом моргнуть не успеете, как останетесь без гроша! – вмешивалась, по-видимому, злая колдунья, чтобы лишить нашего юнца доселе неизвестных ему удовольствий.

И что вы думаете? Красавица весело охнула, когда почувствовала у себя на талии властную длань в чёрной кожаной перчатке и не минуты не сомневаясь, но из последних сил заигрывая с нашим юнцом, запрыгнула в приплывшую из мельтешащего снегопадом переулочка, роскошную, как показалось нашему герою, выдавшую виды карету. Рука его...о, боже мой, какая досада, мы не дали нашему сердцецу имени, но тем не менее, рука его потянулась к шпаге, которая должна была защитить честь и достоинство прекрасной и благородной дамы, и кровь, была готова уже пролиться на белый снег! Но в морозном воздухе, перекрывая визг волынки, раздался металлический баритон:

– Петер, ты ли это? Сколько зим, сколько лет! – И зловещая тень великана, словно возникшего из старинных скандинавских поверий, нахлынула на неудавшегося дуэлянта. Он обернулся и увидел перед собой совершенно неизвестного ему человека. Лица его почти не было видно, потому что он стоял на фоне раскрытой настежь двери и словно огненный абрис очерчивал гигантскую фигуру незнакомца.

– С кем имею честь?

– Брось притворяться, дружище! Год назад, на этом самом месте, ты не был так любезен и если бы не я, то всё могло бы закончиться плачевно.

– Ну, хорошо! – вдруг согласился молодой человек, – так вы считаете, что меня зовут Петер?

– Я мог бы присвоить тебе ещё дюжину имён, зная твой пылкий нрав, но у нас слишком мало времени.

– Для чего? – удивился новоявленный Петер.

– Для того, чтобы ты мог прожить их, эти имена, без остатка. Только в одном имени Петер каменная тяжесть скалы и апостольский оттенок. А тебе, мой друг, предстоит, не омрачая праздника, в эти несколько дней сохранить лёгкость бытия, иронию и чувство юмора.

– Тогда, как мне к вам обращаться?

Циклопоподобный человек рассмеялся громовым басом, закинув тяжёлую голову за спину, что даже несколько посетителей, быть может разделявших с ним обильную трапезу в таверне, высыпали наружу, на скрипучий снег, хватаясь за шпаги.

– Я рад это слышать, Петер! Это значит, что чувство юмора тебя не оставило. Уверен, ты не разочаруешь забулдыгу Томаса и по-прежнему будешь радовать меня своей саркастической иронией и ощущением лёгкости бытия. Это всё что нам понадобится в ближайшее время.

– Тогда, Томас, будь любезен, подскажи мне, где находится таверна “Гусь и вертел”?

– Ирония твоя не знает границ! Стоять перед этим славным заведением и притворяться слепым. Ты ничуть не изменился, с тех пор как мы с тобой закончили Гейдельбергский университет, детище курфюрста Рупрехта. Так же, с необычайной лёгкостью ты мог морочить седые головы нашим почтенным профессорам, рискуя не получить магистерскую шапочку.

И бывшие однокашники вошли, наконец-то, внутрь, где веселье шло полным ходом и лютни, скрипки и флажолеты не умолкали ни на секунду. В то же время карета, в которую запрыгнула красotka похожая на фею, уже миновала старинную площадь, оставила далеко позади себя карнавалы шествия, городскую ратушу, торговые ряды и только переливчатый звон колоколов пытался настигнуть странную пару. Достаточно было приглядеться повнимательней и сразу становилось понятно, что это вовсе не фея. Конечно же, ей нельзя было отказывать во внешней красоте, которой можно было сейчас любоваться лишь мимолётно: то проезжая мимо богатого дома, горящего огнями и бросающего яркие отблески в каретное окошко или в тот момент, когда её хмурый спутник раскуривал трубку. Она, словно оцепенев, смотрела на улицу и её строгий профиль был холоден, будто высечен из льда.

– Хильда, если ты будешь весь вечер капризничать, я тебя отправлю обратно.

– Заманчивое предложение, мой милый Густав.

И молчание вновь воцарилось внутри экипажа. Всё поблёскивало жаккардом, велюром и позолотой, и утопало в дыму трубочного табака.

– Отвратительная привычка! – воскликнула девушка, всё меньше похожая на добрую фею. Тогда её спутник приоткрыл дверцу и огненным веером вытряхнул содержимое трубки. В этот момент, подгулявшему мастеровому показалось, что это подковы правой пристяжной высекли искры из-под копыт, несмотря на метель и рыхлый снег. На всякий случай он перекрестился. Но мельком заметив зловещий взгляд Густава, выругался и сплюнул в сугроб.

А строгая почтенная дама, сделавшая замечание молодому человеку возле таверны “Гусь и вертел”, и показавшаяся ему злой колдуньей, дождалась пока тот, вместе с забулдыгой Томасом исчезнет внутри весёлого заведения и поправив остроконечную шляпу, с широкими полями и помятой тульей, разглядывая себя в огромном зеркале в витрине магазина “Колдовские штучки”, взмахнула длинными рукавами, отряхивая от налипшего снега кружева и бархат своего карнавального костюма. И, конечно же, внесла свою лепту в декабрьскую непогоду, обрушившуюся на старый город, перенасыщенный средневековым зодчеством. Любой сторон-

ний наблюдатель, тут же признал бы в ней ведьму, раз уж в руках у неё, такие невероятные возможности.

– Ах, Бриджет, что же ты наделала! – воскликнула её соседка, выходящая из лавки зеленщика, с огромной корзиной – эдак наш городок занесёт по самые крыши и мы будем справлять Рождество, каждый в своём доме.

– Что же делать, Берта? Если сочинитель, сидящий возле камина, бездарно задремал и наша зловещая парочка, Хильда и Густав, несутся на всех парах в свой Заколдованный замок, и того и гляди успеют до наступления полуночи...

– Успокойся, дорогая моя! Всё будет, как всегда.

– А как бывает всегда? – удивилась колдунья.

– А то ты не знаешь? Забудыга Томас вместе с компанией собутыльников уже подпирают во всю в “Гусе и вертеле” и бедняга Петер и впрямь поверил, что это его имя и оно ему действительно пришлось по душе. А по сему, ещё немного, – Берта подняла взгляд на городские часы, единственную стрелку которых, сквозь пургу, мудрено было рассмотреть, – наши беспечные гуляки, осушив, трудно сказать какой кувшин славного рислинга, воспетого, одним из отцов ботаники Иеронимусом Боком, в своём изумительном травнике, когда он описывал берега Мозеля и Рейна...

– Не утомляй меня своей болтовнёй, Берта! Говори по делу! Я смотрю ты опять прикупила у зеленщика приворотного зелья и ненароком отведала его чудодейственного аромата, а тем временем “Зимняя сказка” катится себе в неведомом направлении, и неизвестно, чем всё это закончится!

– А закончится это как всегда! Наша весёлая компания отправится по направлению к Ратуше, чтобы подпоить звонаря до положения риз и как ты сама понимаешь, некому будет ударить в колокол с наступлением полночи.

– А разве колоколу положено бить в полночь?

– Конечно же нет, Бриджет! Если только тебе не всучили тайком золотой талер и не приказали держать рот на замке. И если ровно в полночь ударит колокол на часовой башне, это будет тем зловещим знаком, чтобы Хильда и Густав, с помощью древних заклинаний магрибских чародеев, похитили из рук задремавшего сочинителя клубок сюжета “Зимней сказки” и тогда пиши пропало.

Как раз в это самое время человек, беспечно спящий в кресле, перед угасающим очагом, проснулся, чувствуя озноб. Фантазия его не знала границ, но иногда была замутнена внешними звуками и назойливыми видениями. В то время, как окно его, в которое он пытался разглядеть бурную беседу двух, в общем-то, не злых дам, всё больше затуманивалось, покрывалось изморозью, затейливыми узорами и становилось досадным препятствием между ним, и ускользающим сюжетом “Зимней сказки”. И всё бы ничего, если бы сочинитель мог на время оставить свою незатейливую повесть и заняться делами более прагматичными, чтобы, например оплатить счета, купить своей подруге шубу из рысьего меха, который называют мягким золотом, хотя древние, такие, как Корнелий Тацит, относились к этому с презрением: “Они носят звериные шкуры”, – говорил он о германцах. Ну да ничего, нам тоже есть в чём их упрекнуть! Лучше, давай заглянем в таверну к старому полумифическому фламандскому королю и не будем думать о низком и суетном. А для это, всего-то и надо, пока “Зимняя сказка” будет чахнуть, предоставленная сама себе, взять самое заскорузлое гусиное перо и скрепя сердце нацарапать героическую новеллу о рыцарских турнирах, крестовых походах и славных победах. И тогда, Священная Римская империя откроет тебе доступ в Беренберг банк, это, что в Гамбурге, если вы не в курсе.

Очарование зимнего вечера

Если бы короля описывал самый лучший сказочник на свете, имя которого, даже нет нужды поминать всуе, все и так знают, кого я имею в виду, то царственной особе, без преувеличения досталось бы по всем статьям. И конечно же главным его качеством была бы глупость. Но наш скромный сочинитель не может себе позволить таких явных волюнтаристских выпадов. По сему, описанный им помазанник божий, обладает недюжинным умом, харизмой, и самое главное, доступностью, для представителей простого народа. И это, несмотря на то, что сочинитель сам всё выдумал, и до такой степени с первых же строк запутал сюжетную линию, что без лирических отступлений, намёков, аллюзий и снисходительности к нарочитой вычурности его слога, здесь не обойтись. Но посудите сами: вот наш вымышленный король сидит себе в тронном зале и так же, как и его создатель неотрывно наблюдает за снегопадом, который вот-вот завалит столицу его славного королевства и жизнь, в ожидании праздника, на неопределённое время замрёт. И вместо того, чтобы подумать об увеличении армии дворников, он подходит в задумчивости к высокому стрельчатому витражу и разглядывает себе, пребывая в восторженном оцепенении, совершенную форму шестиугольной снежинки, удачно расположившейся на краю подоконника, в некой защищённой выемке, в алькове, я бы сказал, которая и не тает, и остаётся недостижимой для хлопьев слипшегося снега, падающих с небес. И что же происходит в его царственной голове, в этот момент? Вряд ли он думает о том, как другой венценосец, какого-нибудь соседнего государства, сетует на нескончаемую пургу, что уже становится непреодолимым препятствием для ведения военных действий, и чугунные пушки тонут в сугробах, порох отсыревает, фитильный замок любой аркебузы, со спусковым механизмом, грозит заржаветь и прийти в негодность. “Не написать ли письмо в Трансильванию могущественному королю Матьяшу, моему любезному кузену” – думает воинственный монарх – “поговаривают он недавно закупил для своих мадьярских пехотных полков хорошую партию, так называемого, огнестрельного оружия, что, конечно-же говорит о его дальновидности”. Стоп, дорогие мои, эдак мы с вами далеко зайдём и окончательно запутаемся. Одних только королей в этой главе уже целых три и, как минимум, один из них вымышленный и отличается непреодолимой склонностью к рефлексии, в то время как события разворачиваются сами по себе и, кажется, никто не несёт за них никакой ответственности. Тусклое зимнее солнце неумолимо клонилось к закату и для короля (ах проклятая забывчивость, мы не позаботились дать ему имя) и для короля, это было любимое время зимних суток. Увядающий день, сияющий последними лучами гаснущего светила, скрывался, словно драгоценный камушек в бархатной шкатулке надвигающегося вечера. Длинные тени от высоких готических стульев ложились на клетчатый каменный пол и Людвиг (разве я вам ещё не назвал его имени, ну конечно же Людвиг, неужели вы думали, что я назову его Ульрих) прислушивался к таинственным звукам, живущим полноценной жизнью в королевском дворце, а так же к шуму времени долетающего с городских улиц. Именно в это мгновение он обратил внимание на проносившуюся за витиеватой чугунной оградой пейзажного парка, утонувшего в снегу, карету, в которой ехали в направлении Заколдованного замка Хильда и Густав, преследуя свои коварные планы. Как он мог разглядеть с такого расстояния маленькую точку мчащегося экипажа, спросите вы. Без мощной оптики, здесь было бы не обойтись. И действительно, правда ваша, всё очень просто, не премину ответить я, и это по той лишь причине, что в друзьях у него был сам великий Галилео. А уж у него-то этих телескопов да рефлекторов несметное множество. Неужели вы думаете ему стало бы жалко одного прибора, скажем, в качестве новогоднего подарка, для его порфириносного друга и покровителя. И потому как Людвиг имел привычку любоваться закатами из окна самой высокой дворцовой башни невооружённым взглядом, точно с такой же прилежностью, прильнув своим королевским оком к изумительному окуляру подзорной трубы, наблюдал и за, уже известной нам, встречей Петера и забуддыги Томаса, которые вот-

вот, должны были зайти внутрь таверны “Гусь и вертел” и совершенно скрыться из виду. Ну что ж, тогда он переводит свой взор туда, где две, не совсем настоящие ведьмы, привлекают внимание Его Величества и он пытается прочесть по губам, о чём же они там спорят. Но за спиной у короля Людвига, вдруг, выросла величественная фигура его дворецкого Вальтера, который был настолько невозмутим и серьёзен, что со стороны, иногда, казалось, что это он король, а вовсе не наш созерцатель снежинок и сказочных закатов.

– Ваше величество! Время ужина. Прикажите подавать?

Король вздрогнул и, недовольно поморщившись, заметил:

– Дорогой Вальтер, как же ты можешь испортить очарование зимнего вечера.

– Позвольте вам заметить, что в прошлый свой визит, господин Парацельс не советовал вам по долгу разглядывать просторы королевства в подозрную трубу.

– Ну-ка, напомни, чем он это мотивировал, – с наигранным притворством, что запомнил, спросил король.

– Как и любой врач, он находил это вредным для Вашего драгоценного здоровья.

– Какого здоровья?

– Ментального, Ваше Величество. Если Вы будете знать досконально всё, что происходит в Ваших владениях, то вряд ли Вам это принесёт пользу, не говоря уже об удовольствии.

– Вообще поговаривают, что твой Парацельс – хитроумный шарлатан.

– Не без того, – согласился дворецкий, – а кто сейчас не шарлатан?

– Согласен с тобой, мой друг. Но твой докторишко дважды шарлатан.

– Это почему же? – в свою очередь удивился Вальтер.

Тонкий ценитель природных явлений снял с себя, надоевшую ему за целый день, пурпурную мантию с горностаевым подбоем, бросил её на перила винтовой лестницы, ведущей на крышу башни и переложил корону с себя на голову своего дворецкого. Казалось, что этот золотой венец должен был придать Вальтеру ещё больше величия, но, как не странно, вид у него сделался глупым и простоватым. По всей видимости, не каждый может вынести бремя власти, сохраняя собственное достоинство. Впрочем, это не новость.

– Но посуди сам, как этот маг и волшебник мог мне, что-то советовать, если он уже умер пол века назад.

– Но в том не его вина! Это сочинитель всё напутал. Он не следит за сюжетом, забывает, иногда, давать имена своим персонажам. Скажу Вам по секрету, я с трудом выпросил у него собственное имя, а не то Вы бы на протяжении всей сказки, так и обращались ко мне, как-нибудь, “эй любезный или, как там вас, не пора ли трапезничать”.

– Кстати, что с ужином? – вдруг вспомнил проголодавшийся король.

– Всё остыло, Ваше Величество. Но могу предложить бокал кьянти, пока я буду накрывать на стол.

– Белое?

– Нет, что Вы, красное.

– Правильно, Вальтер! Вино должно быть красным, но кто-то добавил “и Бургундским”.

– Это подношение к грядущему Рождеству от сеньора Галилео. Профессор очень рекомендует. “Вино – это вода, вобравшая в себя цвет солнца” – говорит нам член академии рысье-глазых, и добавляет, торжественным и напыщенным слогом, – “солнце, своим притяжением управляющее целым хороводом планет, ещё успевает подумать о созревании виноградной грозди, словно нет на свете ничего важнее этого...”.

– Прекрасная рекомендация! Надо что-нибудь отправить старику, в знак благодарности. Позаботься об этом, друг мой.

– Это невозможно, Ваше Величество.

– Опять ты мне перечишь. Ну и какая причина на этот раз.

– Природные катаклизмы. Все дороги замело. Чтобы добраться до Флоренции надо ждать наступления летнего времени года.

– Ну так договорись со своим сочинителем. Я смотрю, ты с ним, каким-то образом общаешься. И что наконец с ужином?

– Я уже распорядился, Ваше Величество. Сию минуту всё будет готово и можно будет спускаться в обеденный зал, а пока бокал кьянти доставит Вам истинное удовольствие, и Вы в полной мере оцените очарование зимнего вечера. А что касается сочинителя, в королевстве все поговаривают, что он изо всех сил пытается вмешаться в происходящее, но пока что у него ничего не выходит.

С этими словами дворецкий взял с сервировочного столика увесистое пузатое фиаско, оплетённое соломённой корзиной, объёмом не менее меццо кварто и откупорил чудесный сосуд.

– Ну и что же ему мешает?

– Его окружение.

– Его вторая половина?

– Нет с ней, как раз, всё в порядке! Она его холит и лелеет, и целиком и полностью на его стороне.

– Значит она недостаточно о нём заботится, – раздражённо заметил король, делая пробный глоток вина, – чудесный букет!

– Позвольте Вам возразить. Если бы не она, ещё неизвестно, чтобы с нами со всеми было.

– Кто же тогда виновник того, что сюжет забуксовал, фабула не может сдвинуться с мёртвой точки.

– Виноваты во всём эти странные люди, которые не понимают его настоящего предназначения и требуют от нашего сказочника исполнения незначительных желаний, при этом возводя их в ранг высокого искусства.

– Как-то ты витиевато изъясняешься. Кстати, сколько бутылок прислал мой учёный друг?

– В ящике было десять бутылок.

– Надеюсь ты всё это надёжно припрятал в винном погребе.

– Не всё, только две. Остальные не доехали, по дороге разбились. Сен-Готардский перевал это Вам не ухоженная тропинка в Королевском парке. Лошадь оступилась, ящик упал на землю и несмотря на соломенные корзинки, сплетённые вокруг сосудов, из болотных растений, высушенных на солнце и обработанных серной кислотой, тонкое стекло фиаско не выдержало падения. Но мы же не будем расстраивать сеньора Галилео и не расскажем ему о досадном инциденте.

– Тогда скажи мне на милость, чем же мы будем угощать моего лучшего друга Иоганна Кеплера, который обещал преподнести мне в качестве новогоднего подарка свою, как утверждают знатоки научно-художественной прозы, изящную миниатюру “О шестиугольных снежинках”.

– Ума не приложу, как сей учёный муж, сможет до нас добраться. Вы же сами видите, что Малый Ледниковый Период всё ещё продолжается.

– И что же, мой дорогой Вальтер, ты опять всё свалишь на нашего бедного сочинителя.

– О, вовсе нет. На этот раз во всём виноват Гольфстрим.

– Кто таков? Посадите его в каземат!

– Ваше Величество, это невозможно. Нет такой темницы, куда бы он поместился. Дело в том, – дворецкий понизил голос, – что это тёплое течение в Атлантическом океане, которое значительно влияет на климат и лучше с ним не ссориться.

– Тёплое, – недоверчиво переспросил Людвиг, – тогда почему же у нас так холодно.

– Причина этого таит в себе множество загадок. Некоторые исследователи считают, что лет эдак триста назад, Гольфстрим замедлил своё течение, другие склонны предполагать, что

вулканическая активность на Земном шаре ослабла, третьи, к коим, прошу Вас заметить, я не принадлежу, уверены, что во всём виноват сочинитель. Он давно уже должен серьёзней относиться к своим произведениям: составить план повести, а не плыть интуитивно, туда, куда занесёт его безудержная фантазия, и самое главное, определиться с персонажами.

– А что с ними не так? – поинтересовался король.

– Они разрастаются у нас на глазах, как снежный ком. А королевство сами понимаете, не может вместить всех желающих.

– И что ты предлагаешь.

– Что обычно предлагают в таких случаях? Или избавиться от лишних, или потеснить соседнее королевство или и то и другое.

– Ну-ка, друг мой верни-ка мне обратно мою корону.

– Ну хорошо, – обиделся дворецкий, – протягивая символ власти королю, – тогда надо попросить его поменять характеристики героев.

– Как это так поменять?

– Например, чтобы я стал советником или даже канцлером.

– Пойдём-ка лучше ужинать, друг мой, мне кажется, ты уже сегодня отведал галилеева кьянти, и не один раз. Ума не приложу, откуда ты только его берёшь? – и хитро склонив голову, строгим тоном добавил, – и влияет оно на тебя не лучшим образом. Ещё пару глотков, и ты мне окончательно испортишь очарование зимнего вечера.

Глава 3

На что способен дворецкий

– Пока ты спал, дорогой мой, я заглянула в твою рукопись и должна тебе доложить, что не этого я ждала с нетерпением. Мне хотелось сказочной лёгкости, праздничного настроения. А у тебя, уж очень всё это сложно и запутано. Кто этот молодой человек, которого забулдыга Томас затащил в таверну?

– О, это мой главный герой! Но пока он не появился на страницах повести, он и знать не знал, что его зовут Петер.

– Как же это может быть?

– Очень просто, дорогая моя. Например, ты же не знала, когда со мной познакомилась, что я дам тебе другое имя и ты с лёгкостью согласишься его носить. Потом я поменял тебе ещё несколько имён, пока мы не остановились на изящном и довольно домашнем имени Нора. Ты так к нему привыкла, что даже обижаешься, когда я, обращаясь к тебе, вдруг случайно вспомню твоё настоящее имя.

– Не сравнивай, это совсем другое.

– Тогда слушай, – оживился сочинитель, – главное не в том, как его зовут, куда он направится и с кем его сведёт судьба. А как я это всё преподнесу. Под каким соусом я это подам. Или, вернее будет сказать, под каким углом зрения мы на это взглянем. Какая музыка будет звучать у нас в голове. Что будут говорить персонажи, которые после посиделок в “Гусе и вертеле”, совершенно искренно уверовали в свою самостоятельность и независимость от автора, да до такой степени, что порой с ними нет никакого сладу.

– Ну это уже слишком, такого не бывает.

– В реалистичной прозе не бывает, а в сказках – сплошь и рядом. Вот, например, этот дворецкий! Я и не собирался давать ему никакого имени, не велика птица. Так что ты думаешь? С завидным постоянством он стал являться ко мне во сне и выпрашивать, не просто имя, а такое, чтобы несло в себе жгучую искру и привкус пороха. Уже тогда я заметил у него в глазах недобрый блеск и он, прищурившись, как тайный заговорщик, переходя на шёпот, поведал

мне: “Вот увидите, господин сочинитель, моим именем, когда-нибудь, назовут огнестрельное оружие, пистолет например”.

– Невелика загадка, – усомнилась Нора, – каждый человек, хотя бы раз в жизни слышал название пистолета “Вальтер”.

– Да, но не забывай, что мои герои живут в средневековом городе и тогда, существовал довольно неуклюжий и сложный в обращении пистолет с кремниевым запалом, изобретённый Камилло Вителли, и здесь гордиться особенно было нечем. А вот самозарядный красавец Фрица Вальтера, появился в начале двадцатого века. Хотя и в этом случае, я не стал бы хвастаться. Ведь не пенициллин же из плесневых грибов, спасающий жизни, придумали, а нечто зловещее, леденящее ладонь, из тяжёлой стали, жизни отнимающей.

– Тогда зачем же ты ему потакаешь?

– Я чувствую, что он может мне пригодиться не только, как дворецкий.

– Ты начинаешь говорить загадками, я заинтригована. Хотя, что-то я не припомню, чтобы тебя интересовала интрига. Ты, обычно погружал своих героев в некую, перенасыщенную деталями и подробностями, атмосферу, наполненную полумраком, мерцанием и таинственностью, и любовался ими, совершенно забывая о развитии сюжета, который, впрочем, всегда держишь в своих руках, но очень медленно и, я бы даже сказала скупой разматываешь этот клубок. А когда ты стал засыпать в кресле перед камином, я стала бояться, что ты его скоро совсем упустишь.

– Никто от этого не застрахован, любовь моя. В большинстве своём, все плывут по течению и не имеют ни малейшего желания, что-то менять в своей жизни, – сочинитель сделал паузу, и медленно добавил, – за исключением некоторых, таких, как этот дворецкий.

– Так в каком же качестве ты хочешь его использовать?

– В качестве “ненужного героя”, потому что, в самый неподходящий момент, он может выйти из-под контроля.

– Прямо скажем, – возмутилась Нора, – это не совсем справедливо, с твоей стороны.

– Не преувеличивай. Ты слишком серьёзно относишься к моим персонажам. А между тем, они всего лишь – моя выдумка.

– Да, но эта “выдумка”, как ты изволил неосторожно выразиться, этот неоднозначный персонаж, приходит к тебе во сне, словно твой давний знакомый и выпрашивает у тебя имя. Смотри, чтобы он ещё чего-нибудь у тебя не попросил.

– Да, за ним нужен глаз да глаз. Однажды, он задал мне занятный вопрос, в какое же время они живут и я, чтобы расставить точки над *i*, подошёл к книжному шкафу, взглянуть в энциклопедию и вспомнить даты жизни Иоганна Кеплера. Когда же я обернулся, то заметил, как дворецкий склонился над моим письменным столом, в руках у него было гусиное перо, которое он мокнул в серебряную чернильницу и что-то торопливо писал в моей тетради.

– Что можно было написать, пользуясь сувенирным пером и чернильницей, в которой чернила высохли четыреста лет назад?

– И тем не менее он написал: “Этот человек в кресле – моя самая удачная выдумка”. Если бы ты знала, как я на него разгневался. Вальтер был изгнан из моих сновидений незамедлительно. С тех пор я его больше не встречал. И я, было, совсем успокоился. Но однажды, раскрыв свой черновик, обнаружил несколько листов текста, не принадлежавшего мне, написанного тесным, убогим, готическим почерком и удивлению моему не было предела.

– Сомневаюсь, что тебя ещё можно чем-то удивить.

– Хорошо! Тогда садись в кресло напротив, я налью тебе бокал прекрасного кьянти, которое ты мне подарила к наступающему Рождеству.

– Ты что-то путаешь. Я тебе подарила бургундское.

– Тогда откуда это изысканное вино, в аутентичной пузатой бутылке? Ведь не дворецкий же его принёс? Это было бы уже слишком!

С этими словами, сочинитель налил Норе бокал вина, тонкий аромат проплыл по комнате и смешался с морозным сквозняком, струящимся из приоткрытой форточки. Именно такая смесь ответственна за неудержимую фантазию и метаморфозы, происходящие с людьми, когда они сидят, укрывшись пледом и зачарованно смотрят на огонь.

– Итак, давай посмотрим, любовь моя, на что способен простой, казалось бы, дворецкий. И что он там понаписал про себя, в моём черновике!

“Королевский повар превзошёл самого себя! И несмотря на то, что я ему, мягко говоря, не симпатизирую, пришлось всё же похвалить изобретательного кухмистера, в присутствии Его Величества короля Людвига. Ещё бы, когда прибыл долгожданный и дорогой гость, в последствии обладатель титула “законодатель неба”, изложивший основы небесной механики, автор астрономических таблиц, которые в честь императора были названы “Рудольфианскими”, создатель трёхтомного труда по коперниканской астрономии, и приемник самого Тихо Браге. Стоп, давайте выдохнем, потому как список его деяний обширный и значительный, а прибыл сей учёный муж из Праги, преодолевая пургу и плохие дороги, и, трудно было понять, что связывает этих двух, на первый взгляд, совершенно разных людей. Я могу, конечно, предположить, что господин Кеплер, в очередной раз, испытывает финансовые затруднения, ведь не по велению же сердца, он подрабатывает составлением гороскопов. Наш щедрый король души в нём не чаёт, предлагает место придворного математика и астронома, и что не мало важно, хорошее жалование. Насколько хорошее, можно было понять, когда задумчивый звездочёт поднёс ко рту серебряную ложку, с изумительно вкусным грибным супом и уже готов был проглотить это божественное варево, с мелко порезанным луком-пореем, смесью перца, гвоздики, имбиря и корицы, вдруг поперхнулся и стыдливо прикрыл салфеткой блестящие жиром губы. Королевский гастроном, который в это время, склонившись перед монархом, уже собирался объявить следующее блюдо и сделать краткий экскурс в ингредиенты изысканного мёрселькюхена с яйцом, мускатным орехом и цыплёнком, испугался до смерти, лихорадочно соображая, уж не перестарались ли там на кухне со специями.

– Сколько? – переспросил знаток небесных сфер. Король, улыбаясь, повторил заманчивую цифру, то ли играя с учёным мужем, то ли поддразнивая его. Было совершенно очевидно, что в силу своей преданности великому Тихо Браге, математик не может принять столь заманчивое предложение, хотя очень нуждается в деньгах.

– Вы слишком добры ко мне, Ваше Величество, – только и смог вымолвить учёный муж, – и уставился на огромное панорамное окно королевского обеденного зала, за которым падали шестиугольные снежинки. В это время, почувствовав облегчение, искусный повар рассказывал о кокентрисе, это своего рода кулинарное извращение, на мой взгляд, сшитое из верхней части молочного поросёнка и нижней половины каплуна.

– Это блюдо приписывают династии Тюдоров из Английского королевства, – тараторил повар, словно вызубрил наизусть “Кёнигсбергский поваренный манускрипт”, и готов был процитировать нам от корки до корки, захлёбываясь от восторга, сей сборник популярных в нынешнее время рецептов. Мне было забавно наблюдать за нашим гостем, в белоснежном, накрахмаленном, плоёном воротнике-раф, с аккуратными восьмёрками по всей длине его окружности. Этот аксессуар был настолько модным, что имел множество названий: фреза, горгера, брызжевый, мельничный жёрнов и в любом случае заставлял своего владельца держать голову горделиво приподнятой. Господин Кеплер будто впал в некое оцепенение, рука его уже давно отложила в сторону серебряную ложку, тут же унесённую предупредительным слугой, но и вилка (кстати изобретённая благодаря этому напыщенному воротнику, чтобы уберечь кружевную ткань от пятен всевозможных соусов, паштета и жира), ну так вот, и эта, так называемая вилка, в цепких пальцах учёного застыла, словно он уже позировал, тому самому неизвестному итальянскому художнику, благодаря которому весь мир будет думать, что знает, как

выглядел наш учёный муж. Чувствуете нотку сомнения, от которой я не могу избавиться? А всё потому, что злые языки утверждают, что это вовсе не наш герой, а его наставник, Михаэль Мёстлин, но тоже довольно незаурядная личность, между прочим, автор первого расчёта золотого сечения. И вообще, должен вам сказать, может быть, там изображён кто-то третий, поэтому и циркуль в его руке, на портрете, больше похож на бамбуковые палочки для риса.

– Ваше величество, – начал было господин Кеплер, но, тут же, был прерван резким жестом короля, который выскочил из-за стола, вытирая нетерпеливо белоснежной салфеткой, испачканные жиром руки, и, обогнув огромный обеденный стол, за которым, некогда, сжижвало дюжины две преданных нашему монарху рыцарей, приблизился к скромному учёному.

– Иоганн, позволь мне тебя так называть, и чтобы отбросить все условности, давай выпьем на брудершафт! Вальтер, принеси-ка одну из вчерашних пузатых бутылок кьянти, подарок, между прочим, самого Галилео, с которым мы давно уже на “ты”. Я тебя с ним обязательно познакомлю.

– С синьором Галилеем я давно уже состою в переписке. Что касается отношения к труду великого Коперника, я имею ввиду трактат “О вращении небесных сфер”, наши взгляды не во всём совпадают, но профессор был так любезен, что прислал мне в подарок один из своих телескопов, дабы я убедился, что у Юпитера действительно имеются спутники. Также, этот удивительный прибор и многолетние наблюдения моего друга и учителя господина Браге, оказались очень полезны в моей работе над трактатом “Гармония мира”.

– Да, мой дорогой Иоганн! Этот шедевр, на мой взгляд – величайшая картина мироздания, сотканная из науки, поэзии, музыки, богословия и мистицизма. Но, где же обещанное кьянти? – воскликнул разгорячённый король, в то время, пока я ломал голову, каким образом оставить последнее фиаско нетронутым.

– Ваше величество, – произнёс я ледяным тоном, понимая, что в случае неудачи, в моей отчаянной попытке водить Его Величество за нос, в присутствии столь знаменитой особы, головы мне не сносить. Даже повар, который платил мне взаимностью, то бишь ненавистью, до такой степени нескрываемой, что иногда мне было боязно принимать пищу из его рук, даже этот зарвавшийся кулинар, прищурил в предвкушении моего провала свои, и без того, заплавленные глазки.

– Ну, что опять, Вальтер! Подать сюда галилеево кьянти.

– Дело в том, что, насколько мне известно, брудершафт – обычай людей военных и предполагает строгое соблюдение всех правил сего славного обряда.

– Ну так давай же их соблюдать, незамедлительно!

– Я уже приказал доставить из винного погреба бутылку старого, доброго, тирольского шнапса, настоящего на можжевельнике.

– Ну у кого ещё есть такой дворецкий, который способен в одно мгновение испортить очарование зимнего вечера. Рождество на носу, а ты подсовываешь нам вместо ароматного вина, это лекарственное пойло.

– Ваше Величество, по правилам, братание должно свершаться при помощи крепких напитков, каковым и является шнапс. Могу предложить алкоголь с добавлением мяты, кориандра, розового масла, а также, только для вас и вашего гостя, добавить, пока ещё малоизвестный в Европе продукт, называемый “сахар”.

– Надеюсь, это не яд?

– Что вы, Ваше Величество, сущее лакомство!

– Странное слово.

– Это что-то на санскрите.

– А что есть такой язык, – удивился король.

– О, мой повелитель! – воскликнул я подобострастно. – Древнеиндийский эпос “Рама-яна” написан на этом языке.

– И что же, ты читал его в оригинале?

Мне уже трудно было остановиться, и я готов был пересказать содержание, никогда нечитанной мной книги, чтобы и дальше заморочить царственную голову моему монарху, но здесь, господин Кеплер изучающим взглядом посмотрел на меня, и это был явный знак, что пора бы остановиться. Не исключено, что гениальный учёный знаком и с этим трудом, и тогда, за мою голову никто не дал бы и пол пфеннига, и мне не стать ни канцлером, ни даже королевским советником.

– Ваше величество! – воскликнул я, принимая бутылку из рук слуги, вернувшегося из винного погреба. – Шнапс, по рецептуре, которую вряд ли можно найти, даже Кёнигсбергском поваренном манускрипте.

Произнёс я это, чётко выговаривая каждый слог, чтобы нашему самонадеянному повару было хорошо слышно. Этому выскочке, которому сочинитель даже не удосужился присвоить, хоть какое-нибудь незначительное имя. Вернее, в первых вариантах повествования он написал однажды фразу: “На королевской кухне появился новый повар по имени Франц”. Но после первой же стычки с наглым кухмистером, я пробрался в кабинет к сочинителю, вырвал ненавистную мне страницу и сжёг её в камине. Благо сказочник задремал в своём кресле или делал вид, что дремлет, а Нора ещё не вернулась из модной лавки, где она всё время пытается найти такие предметы туалета, чтобы сочинитель наконец-то забыл навсегда свой литературный дар и обращал внимание только на неё, и тогда нам всем конец. Хотя как знать, может совсем наоборот, появится возможность взять дело в свои руки. Над этим стоит хорошенько подумать.

– Вальтер, что ты замер, как истукан, – воскликнул король, – наливай скорее своё крестьянское пойло, раз уж такая традиция, иначе мы никогда не перейдём с господином Кеплером на “ты”. Если обо мне когда-нибудь и вспомнят, то лишь благодаря тому, что я был другом, благодетелем и покровителем великого Иоганна Кеплера.

– Это совсем не пойло, Ваше Величество, – обиделся я, разливая напиток по бокалам – эту волшебную смесь изобрела моя бабушка Эльза.

– Это та, которую сожгли на костре за колдовство? – с жуткой усмешкой спросил король Людвиг. От моего взгляда не ускользнуло, что, при этих словах, господина Кеплера всего передёнуло.

– Это наветы и наговоры на нашу семью. И потом, – продолжил я, чтобы уколоть короля, – если вам и поставят памятник в нашем королевстве, то уж точно не за дружбу с учёными мужами, а за то, что вы отменили сожжение ведьм на костре.

– Иоганн, ты где-нибудь видел ещё такого дерзкого дворецкого?

– А ведь он прав, – сказал господин Кеплер.

Король Людвиг приподнял предплечье, тоже сделал и наш гость, они скрестили руки, осушили бокалы до дна и дважды поцеловались.

– Отныне, брат мой Иоганн, если не хочешь меня обидеть, обращай ко мне не иначе, как “брат Людвиг”.

Жуткая метель разыгралась за окном. Бабушкин шнапс возымел своё действие, и все отправились спать. Кроме меня. Мне ещё надо было навестить сочинителя и кое-что поправить в его рукописи, хотя, в какой-то степени, уже и моей. Надеюсь, он не будет мне в этом препятствовать. Дабы не нажить в моём лице врага!”

Глава 4

Немного мрачной готики

– Хорошо придумано, мой дорогой! – воскликнула Нора.

– Тебе действительно понравилось, то, что он здесь изобразил?

– Очень! Ты, только, не заигрывайся, а то действительно поверишь, что у тебя появился соавтор, а у меня нет никакого желания делиться твоим гонораром, с каким-нибудь Вальтером.

– Нет, ты действительно думаешь, что это я написал?

– Честно говоря, – сказала Нора, подойдя к сочинителю с пустым бокалом, – налей-ка мне ещё! Честно говоря, эта миниатюра выгодно отличается, от всего, что ты сочинял прежде. Готовая мизансцена для спектакля или даже фильма. Представь себе: вечерет, обеденный зал королевского дворца, большие витражные окна, выходящие в парк, нескончаемый снегопад только усиливается и создаётся впечатление, что все, кто здесь находятся, отрезаны навсегда от цивилизованного мира. За огромным столом сидят король Людвиг и Иоганн Кеплер. По левую руку Его Величества, чуть склонившись, замер кухмистер, по правую дворецкий. Ближе к входной двери два помощника повара, готовые в любую минуту ринуться исполнить любую команду их шефа. Напряжение возникает в тот момент, когда король предлагает своему визави должность придворного астронома и жалование – пятьсот талеров в год! Господин Кеплер подносит ложку с супом ко рту, но поперхнувшись, закашливается, чем приводит в состояние безмолвной паники повара, который не разгибаясь поворачивает голову в сторону своих сподручных. Два молодых человека в кухонных беретах, готовы провалиться сквозь землю. Астроном тщательно вытирает жирные губы, усы и бороду, здесь должна звучать, напряжённая музыкальная тема, что-то, из, – Нора сделала нетерпеливый щелчок своими тонкими музыкальными пальцами, в серебряных кольцах, – ну, подсажи, что-то вроде “Кармина Бурана”, например, композитора Карла Орфа!

– Не слишком ли торжественно, для грибного супа, – возразил сочинитель.

– Грибной суп, тут не причём. У Кеплера море проблем, он нуждается в деньгах и возникает соблазн оставить своего друга и учителя. Этот шаг может поменять всю его дальнейшую жизнь. Но, по-видимому, он отказывается, а почему остаётся для нас загадкой. Мы же не можем залезть к нему в голову. Дальше возникает линия соперничества между дворецким и кухмистером.

– Какое у них может быть соперничество? – почти возмутился сочинитель.

– Влияние на короля.

– Как повар может влиять на короля?

– Очень даже может. Монаршая особа должна иметь доверие, к тому, кто готовит ему обед. Ещё свежа была память о Великом магистре ордена тамплиеров, Родриго Борджиа, по прозвищу аптекарь сатаны. Не даром Вальтер признаётся, что побаивается, иногда, принимать еду из рук Франца

– Какого Франца? – спросил сочинитель, – Ах, да! Так зовут повара. Как ты запомнила? Вальтер всего один раз упомянул его имя.

– Если быть точным, Вальтер сказал, что это сочинитель, то есть ты, один раз упомянул имя повара, но дворецкий, после какой-то с ним стычки, вырвал эту страницу из твоего черновика и сжёг её в твоём камине.

– Правда остаётся непонятным, как это он мог сжечь страницу в моём электрическом камине.

– Не придирайся, это же сказка. И потом, ты всегда можешь это поменять. Например, порвал в клочья и выбросил в окно.

– Как я могу менять то, что я не писал.

– Но Вальтер же это делает. Не уступай ему, дорогой мой! Надо уже дописать эту повесть и отдать в типографию. Нам сейчас очень нужны деньги. Я присмотрела уютный домик за городом, совсем не далеко, полчаса езды.

– Ты разве не помнишь, мы же договаривались, что эту сказку я пишу ради собственного удовольствия. А то, что я пишу для себя, никто никогда не купит. Так что будем прозябать в городе до скончания дней своих.

– Нет дорогой мой, если ты пишешь средневековую сказку, тебе придётся кроме идиллических рождественских картинок, праздничных ярмарок, карнавальных шествий и прочего беззаботного веселья, добавить, хотя бы немного мрачной готики, иначе за дело возьмутся другие.

– Кто например? Этот никчемный дворецкий Вальтер! Я же тебе говорил, что для меня он “ненужный герой”. Ещё немного и я от него избавлюсь, и его гибель станет ложкой дёгтя в тот, несколько приторный мир, который я здесь затеял.

– Прибереги его, он тебе ещё может пригодиться.

– Я не собирался уделять ему столько внимания. Он должен был промелькнуть пару раз, в сцене с господином Кеплером и может быть поприсутствовать безмолвным и, что самое главное, безымянным, где-то на заднем плане. А что мы сейчас имеем? Обычный дворецкий выпячивает себя, что твой главный герой, да ещё имеет наглость писать в моей рукописи, причём от первого лица.

– Я прошу тебя, давай за ним ещё немного понаблюдаем. Он ещё себя не исчерпал.

– Я начинаю уже тебя ревновать к выдуманному персонажу, хотя должен был бы забыть о нём в прошлой главе.

– Главное, чтобы ты, на почве ревности, не забыл про Хильду, похожую на добрую фею и зловещего Густава. Помнишь ли ты, что они мчатся на всех парах в сторону Заколдованного замка и если до полуночи они успеют там оказаться и пробыть колокол на ратушной башне, то клубок событий твоей повести окажется у них в руках. Кстати, где он? – спросила Нора, озираясь по сторонам, словно ища чего-то.

– Кто?

– Клубок, который у тебя хотят похитить!

– Нора, прекрати свои дурацкие шутки. Это же просто метафора.

– Это не метафора. Благодаря тебе, это уже правило игры. То, что ты засыпаешь в своём кресле, одновременно и хорошо, и плохо.

– Изволь выражать свои мысли яснее, – раздражённо воскликнул сочинитель.

– Плохо, потому что пока ты спишь в своём кресле...

– Я не сплю, а сочиняю. Может со стороны и кажется, что я ничего не делаю, но мои грёзы, это труд, поверь мне.

– Хорошо, пока ты грезишь, действие не продвигается ни на йоту, потому что ты его не записываешь. Когда король разглядывал в подозрную трубу карету Хильды и Густава, он видел всего лишь маленькую точку и она оставалась на месте.

– Ты меня всё больше и больше удивляешь, любовь моя! Я всего один раз прочёл тебе эту миниатюру, а ты всё помнишь в таких подробностях, как если бы ты сама всё это придумала.

Нора, стоявшая вполоборота возле окна, на фоне нескончаемого снегопада, вздрогнула и хрустальный бокал с кьянти выскользнул из её тонких пальцев. Осколки, испачканные красным вином, разлетелись по всей комнате, и Нора всплеснула руками.

– Если бы я умела так сочинять, давно бы уже сама дописала и тебя не спросила.

– А ты не умеешь?

– К сожалению, этим талантом создатель не наделил меня.

– Тогда ответь мне на один вопрос.

– Я отвечу на все твои вопросы, если ты мне пообещаешь составить план повести, а не будешь прятаться в лирических отступлениях и красивых деталях...

– Позволь мне самому решать, – раздражённо перебил сочинитель, – как мне писать. Одно я могу сказать тебе точно, никакого плана не будет, по одной простой причине: если мы будем знать, что должно произойти дальше, то сказка теряет всякий смысл. А ты мне всё-таки ответь на один, как мне кажется, простой вопрос: откуда ты знаешь какое жалование было предложено королём господину Кеплеру.

- Ты же мне сам прочёл отрывок, где об этом говорится.
- Я прочитал тебе текст, где сумма жалования не называется.
- Наверно мне показалось, дорогой мой!
- Нет, тебе не показалось. В рукописи, сумма пятьсот талеров зачёркнута, но её можно прочесть. Я же тебе её не озвучил, потому что автор переписал этот абзац. Таким образом об этом могли знать только двое: я и автор.
- Какой ещё автор, он же выдумка.
- Кто выдумка? Я или Вальтер?
- Вы оба! – крикнула Нора.
- Что такое, отстань! – пробормотал сочинитель.
- Ты же просил разбудить тебя, если ты опять уснёшь в своём кресле.
- Зачем?
- У тебя важная встреча в редакции. Ты должен договориться о гонораре, смотри не про-
дешеви.
- Мы же с тобой уже договорились, я запрошу у них авансом пятьсот талеров.
- Чего пятьсот? – озабоченно спросила Нора.
- Пятьсот тысяч.
- Может ты всё-таки останешься сегодня дома? Давай, я позвоню, и мы перенесём
встречу, хотя бы на завтра.
- Зачем?
- Затем, чтобы не потерять связь с реальностью, – с этими словами она положила ладонь
на лоб сочинителю, – к тому же у тебя жар.

Глава 5

Что в имени тебе?

Пока Хильда и Густав мчатся в своей карете к Заколдованному замку и пытаются безуспешно вспомнить, что же стало причиной их мимолётной ссоры, казалось время остановилось. За окошком кареты мелькали нарядные улицы, раздавался беззаботный смех, искрящиеся ракеты взлетали высоко в небо, крутились огненные колёса, шипели горящие фитили, мерцали пламенем декоративные жирандолы. Кто научил жителей нашего королевства этим опасным забавам? Может сам Марко Поло подглядел секрет этого завораживающего зрелища у даосских монахов, занятых поиском формулы бессмертия, но вместо этого изобретших взрывчатую смесь из угля, селитры и серы, которую закладывали в полые бамбуковые трубки. Хотя некоторые серьёзные маги и чародеи считают это досужим вымыслом. Тем не менее, пристрастие к пламенным феериям распространилось по всему белому свету и докатилось даже до бескрайних ледяных просторов некоего государства, лежащего в той стороне, где каждый вечер, в мутном небе, гаснет умирающее светило, истекая зимним запёкшимся пурпуром. Много позже, чем случились эти события, один из вдохновенных поэтов той необъятной империи, приветствуя своего закадычного товарища, не преминул вскользь упомянуть, ставший модным, пиротехнический фейерверк:

*Пылает он потешным блеском,
Подсыпан порохом слегка,
Звездой рассыпчатой со треском
Взрывается исподтишка
И мечет, за народным плеском
Шутихи под нос дурака.*

Но так как всё в этой повести – плод воображения мирно дремлющего возле камина сочинителя, к тому же слегка захворавшего, то здесь-то как раз самое место любой выдумке. Пока Хильда и Густав мчатся в своей карете, дворецкий, пользуясь моментом, решил дать имя и не кому-нибудь, из разнообразного множества персонажей, а самому автору. И как вы понимаете, с этого момента, дело начинает принимать серьёзный оборот. Никто из обитателей славного королевства и не чувствовал, какая опасность нависла над всем и вся, пока человек, охваченный жадой власти перебирает лихорадочно имена и примеряет их безымянному сочинителю. Вот, например, одно из них – Вильгельм. Имя, которое носили учёные, художники, политики, философы и короли. Но как поведёт себя, человек, вдруг попавший под магические чары этого сочетания слогов, в которых заложена железная воля? Поди, потом, попробуй выманить у него сюжетную канву! Нет, дорогой мой сочинитель, давай-ка глянем, может быть, у нас есть что-нибудь попроще в обширном арсенале на этот счёт. Альберт? Слишком напыщенно. Иоганн? Есть уже один, упрямый интроверт. Наука для него дороже денег. Карл? Михаэль? Отто? Пусть будет лучше Конрад. Достаточно подписать рукопись этим именем и дело сделано. Отныне, придирчивая к тексту, подруга всей его жизни, забудет все эти приторные “дорогой мой, любовь моя”, а вынуждена будет искать множество домашних прозвищ, как то: Курти, Кунц или Конни, которые смягчат решительность и мудрость, первоначально заложенные в благородном звучании этого старинного имени. “Ан нет!” – вдруг воскликнул дворецкий, ударив себя по лбу. “Он сразу догадается – здесь что-то не так. Потому что в тех местах, откуда он родом, давно прошли те незабвенные времена, когда не вызывали удивления или насторожённости всевозможные Остерманы, Крузенштерны, Канкрины и Раухфусы; не говоря уже о Фонвизинах и Фетах. Пусть будет Теодором, что вполне себе, в его родных пенатах звучит, как Фёдор”.

– Тридцать девять! – воскликнула Нора, поднося градусник к блёклому свету, покрытого инеем окна. – Вот так-то Фёдор! О какой встрече с издателем может идти речь. Ты остаёшься дома. Да и мне придётся, день, другой не отходить от тебя. Кто-то же за тобой должен приглядывать, хотя бы первое время, пока не спадёт жар.

– Как ты меня назвала? – вдруг спросил сочинитель.

– Как и всегда – Фёдор. Или ты уже не помнишь собственного имени? Не пугай меня, ради Бога! У тебя действительно высокая температура.

“А фамилия, фамилия!” – беззвучно кричал дворецкий с ещё ненаписанных страниц. “Пусть будет Мюллер!”. И выхватив из высохшей четырёхста лет назад чернильницы, гушиное перо, в последний момент, прежде чем Нора подошла к письменному столу, успел нацарапать “Фёдор Мельников”. В спешке, словно полупрозрачная капелька фиолетовой крови, упала клякса с кончика пера и расплылась по титульному листу, обозначая контуры королевства Его Величества и учёного монарха Людвига, неутомимого наблюдателя шестиконечных снежинок.

– Рукопись я твою пока уберу в секретер и закрою на ключ, чтобы ты пару дней к ней не прикасался. – Нора подозрительно прищурилась, разглядывая титульный лист. – Как же ты не аккуратен, что за почерк, будто это и не ты вовсе написал своё имя.

– Я ещё не подписывал свою рукопись! – болезненно морщась сказал Фёдор. – Честно говоря, я подумываю о псевдониме.

– Каком ещё псевдониме?

– Например: Теодор Мюллер.

– Что за бред! Я пойду вызову врача!

– Ни в коем случае! Обычная простуда. Лучше сделай мне чай с малиной. И верни мне мою рукопись.

“Хорошая женщина у Теодора. Самое главное она не жаждет крови, в отличие от него. И что значит “лишний герой” по отношению ко мне? Если бы не моя предприимчивость, сказка ваша, господин Мюллер, давно бы уже оказалась в камине. Так что совсем нелишне будет напомнить вам, тем или иным способом, не напрямую, конечно, а намёками и обиняками, что вы мне обязаны, как минимум своим звучным именем. А имя для писателя очень важная штука, особенно если его знает каждый школяр. Оно живёт уже собственной жизнью, о нём знают все, как об имени собственного родственника, пускай даже давно почившего, но бережно хранимого в семейной памяти и преданиях. Его, обладателя этого имени, давно уже никто не читает, но относятся к нему с уважением и величайшем почтением. Случается, что по мотивам его произведений пишут оперы и балеты, которые часто бывают намного увлекательней самого первоисточника. Вот что значит имя! Хотя один из соотечественников нашего сочинителя, обладавший не только звучным именем, но и действительно талантом, который и стал причиной трёх оперных шедевров, легкомысленно заявил:

*Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.*

Наверное, это некоего рода кокетство, свойственное поэтам или хитрый маркетинговый ход. Хотя, говорят, практичностью он не отличался, имение его было заложено и перезаложено, долгов на нём было больше двухсот тысяч рублей и всё закончилось смертоносной дуэлью, от руки никчемного французика. Но и во времени, в которое нас погрузил господин Мюллер, хватало дерзких поединков. Чего стоит одна только схватка Тихо Браге со своим кузеном Мандерупом Парсбергом на мечах, в тёмной подворотне, в результате чего будущий великий астроном лишился переносицы, и в последствии вынужден был всю жизнь, скрывать увечье, при помощи протеза; на разные случаи он использовал то золотой, то серебряный, то повседневный латунный. А были случаи, когда это изделие, прикрепленное при помощи клеевой пасты, в самый неподходящий момент, сваливалось с травмированной переносицы учёного, вызывая недоумение и конфуз окружающих. Но невозмутимый бретёр, сам над собой подшучивал, подхватывая налету металлический аксессуар, заворачивал его в платок и, с напускным равнодушием, заявлял, что обычно носит свой нос в кармане. Справедливости ради, следует сказать, что виновник увечья и троюродный брат, всегда испытывал дружеские чувства к господину Браге и в тяжёлые времена, когда положение его при дворе пошатнулось, всячески поддерживал своего кузена. Так что, господа хорошие, воспевающие Ренессанс и нагнетающие тьму непроглядную на Средневековье, угомонитесь. Не изволите ли знать, что одних только университетов к исходу тех, как вам кажется, тёмных времён, по всей Европе, к концу пятнадцатого века, насчитывалось до восьмидесяти. Не уж то вы думаете, что все они возникли одновременно с началом эпохи Возрождения? А, если вы взгляните на надгробие в Тынском соборе, где покоится прах нашего звездочёта, то сможете прочесть на лаконичной латыни гордый девиз, некогда украшавший его Небесный замок на острове Вен, дарованный ему в пожизненное пользование датско-норвежским королём Фредериком II:

Не власти, не богатства, а только скипетры науки вечны.

К чему это всё? Кажется, я становлюсь похожим на нашего сочинителя и уже начинаю запутываться в увлекательных подробностях и деталях, вместо того, чтобы двигаться вперёд, к развязке, от которой кровь стынет в жилах и любой, даже самый отчаянный храбрец, цепенеет в нерешительности. Вот уже Теодор отпустил свою Нору по неотложным делам, и мне

бы самое время, сейчас же, не откладывая в долгий ящик, поправить твёрдой рукой фабулу “Зимней сказки”, отправить наконец всю честную компанию забулдыги Томаса к ратушной башне, чтобы подпоить звонаря, и тогда он не сможет ровно в полночь ударить в колокол. Но кажется, к этому уже приложили руку Хильда и Густав, подсунув золотой талер, нетвёрдому в морали человеку, и мчатся себе, на всех парах, в Заколдованный замок, пока я здесь погряз в набившем оскомину

красноречии. А может быть проще будет одному из ключевых персонажей поменять имя. Допустим симпатяга Петер станет Карлом V, императором, который уже поссорился с Папой Римским, и тогда война неизбежна!”.

– Вальтер! – воскликнул король. – Что ты там пишешь?

– Ваше Величество, сущие пустяки.

– Изволь отвечать по существу.

– Слушая увлекательные беседы с Вашим учёным другом, я стараюсь сохранить для потомства мудрые рассуждения о влиянии имени на судьбу человека, на примере его коллеги господина Браге. Ведь его удивительное имя Тихо может иметь множество значений, часто противоречащих друг другу, например покой, умиротворение, в то же время забияка или того хуже – самец!

– Как ты смеешь, дурак, столь знатную особу поминать всуе, – король Людвиг задохнулся от возмущения и прошипел, – что в имени тебе его?

Властная рука его, выхватила рукопись и монарх, приблизив, к близоруким очам своим, текст, прочитал несколько строк, недовольно крикнул и бросил недописанный манускрипт в огонь.

Глава 6

Гипнотическая сила свечного пламени

И чего только не хватает человеку, оставшемуся наедине, с зажжённым серебряным светильником, в праздных сумерках комнаты, заваленной книгами, где мгла, как скомканный, пыльный бархат, готова соперничать своей плотностью с мрачным, но притягательным настроением старого склепа? В то время, как Нора, верная, но немного ветренная подруга, изучает сияющие светом витрины модных магазинов, наш Фёдор, запрянутый в самый тёмный угол, наслаждается тишиной позднего зимнего часа, охваченный гипнотической силой свечного пламени, наблюдает за происходящим колдовством, сливается с глубоким креслом и не шелохнётся ни разу. Его телесная оболочка, в эти мгновения, ему вовсе не нужна, так как эфемерная душа сочинителя парит над земной поверхностью, пытаясь осознать, почему так притягателен чудесный огонь, трепещущий в подсвечнике или в канделябре, со множеством рожков, с изящным стволом и блюдом в основании, куда стекает горячий воск. О, сколько форм и разновидностей они имеют, благодаря изобретательности мастеров! То эти чудесные светильники, ютятся возле магической амальгамы интерьерных зеркал, усугубляя иллюзорность вечернего пространства, то беззастенчиво помещаются на чёрную бездну рояльной крышки, в которую и взглянуть-то бывает боязно, созерцая головокружительную бесконечность, а тут ещё мерцание плазмы играет восприятием реальности и умело пользуется обманом зрения. Бронза, латунь, серебро и позолота принимают в этих заигрываниях с потусторонним, самое непосредственное участие. Пирамидальные жирандоли позвякивают хрусталём на внезапном сквозняке, чуть не погасившим пламя, словно из тьмы египетской, кто-то дунул протяжно, давая о себе знать, леденящим ознобом и демонической тайной. А тут ещё на выбор то иудейский семисвечник, украшенный золотыми бутонами с завязью и цветами, то растительный ствол торшера, с орна-

ментами и барельефами, то громоздкий шандал, с библейскими сюжетами, который застыл возле лестницы, ведущей в помещения, где можно затеряться ненароком в коридорных лабиринтах, в кабинетах, заставленных колониальной мебелью, в альковах скрытых от постороннего глаза полупрозрачным газом, муслином в полукруглых складках и мутном, как вспотевшее стекло, тюлем. Но наш сочинитель на этом не останавливается и погружается в самую тьму веков, когда светоч имел форму цветка лотоса и стеснённый в материалах ремесленник изготавливал его из глины, дерева или тростника. Это уже позже в разнообразии металлических канделябров отражались божества, чудовища и часто изящное изделие опиралось на звериные лапы. Но вот внимание любопытного и ненасытного искателя впечатлений, привлёк светильник Вольфрама в Эрфуртском соборе: одна из самых больших и старейших средневековых скульптур: мужская фигура, с поднятыми над головою пылающими свечами, в позе молящегося человека, изготовленная мастерами магдебургского литейного цеха. У ног его крепостная стена, из которой по углам вытекают четыре райские реки. Но и барочные, и рокайльные мотивы, на мраморе, испещрённом множеством оттенков и чувственными изгибами обломков морских раковин, не чужды мечтательному взору. А вот и ампир со своей военной атрибутикой и сфинксами. Но время неумолимо упрощает и удешевляет чудесный светильник, и серебро превращается, всего лишь, в тонкий слой краски, а подсвечник, становясь доступным в любом доме, принимает форму блюдца с удобной ручкой, чтобы раскалённый воск не обжигал чувствительные пальцы, бредущего в полумраке хозяина дома, проверяющего: заперта ли входная дверь, защёлкнут ли оконный шпингалет. И каждый раз, с любопытством разглядывая своё отражение в чёрном стекле, замирает, наслаждаясь мистическим страхом, приподнимает руку, в знак приветствия или пытаясь уловить неточности в повторях, которые, как ему кажется, должен допустить полупрозрачный двойник. И тогда, если этот призрачный близнец, чуть зазевавшись и будет пойман с поличным, тут-то самое время, погрозить ему пальцем, чтобы впредь не шалил. Но, мерцающий в рыжем пламени антипод, как всегда безупречен и с лёгкостью успевает, словно передразнивая своего визави, повторить все внезапные движения любителя полуночного оккультизма. “Всё же здесь, что-то не так”, – думает слегка разочарованный экспериментатор, опрометчиво взявшийся тягаться с силами тьмы. “Вероятно, когда я задёрну штору, он утратит ко мне всякий интерес и отправится восвояси, растворяясь во мгле зимней ночи. Впрочем, ничего страшного. Главное, чтобы он однажды не решил, что это я его отражение. Интересно, что он будет делать, если завтра, в этот же час, подойдёт к окну и не обнаружит меня в нём”. Такие мысли иногда одолевают, благодаря гипнотической силе свечного пламени, любого человека, уставшего от однообразия повседневной рутины жизни. Также, и его домашние, жаждающие щекочущих нервы развлечений, устраивают зеркальные лабиринты, проливают горячий воск в блюдце с водой или даже с молоком, а кто уж совсем всерьёз хочет заглянуть в неизведанное, расплавляет свинцовые фигурки в оловянной ложке и погружается в толкования новых форм, будь то: лодка – к расставанию, собака – к дружбе, змея – к злобной завистнице. Чем ещё может утешить себя народ в долгие зимние вечера, когда дойти до ближайшего соседа, сквозь пургу и сугробы уже – подвиг. И какой-нибудь забытый богом сочинитель, сидит себе перед лампадой и карябает пером гусиным свои, в чём он ни минуты не сомневается, нетленные вирши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.